

Жнец темных душ

Журнал
Рассказы

Крафтовый литературный журнал «Рассказы»

Майк Гелприн

Жнец тёмных душ

«Крафтовая литература»

2022

Гелприн М.

Жнец тёмных душ / М. Гелприн — «Крафтовая литература»,
2022 — (Крафтовый литературный журнал «Рассказы»)

ISBN 978-5-6046114-0-1

И вот тебя окружает ночь. Окутывает мириадами звезд. И гасит их одну за другой, пока не окажешься в кромешной темноте. Ты растворяешься в тающем городе. Ощущаешь потусторонних существ. И боишься открыть глаза, хотя все равно ничего не увидишь. Но видеть необязательно. Они рядом, они дышат в затылок. Демоны, что знают о каждом твоём свершении, о каждой мысли. И рвутся внутрь. Выпуск мрачной фантастики, социального хоррора и темной прозы, основанной на зарубежном фольклоре. Говорят, хорошая история ужасов всегда о людях, а не о монстрах. Но люди тоже монстры.

ISBN 978-5-6046114-0-1

© Гелприн М., 2022
© Крафтовая литература, 2022

Содержание

Дмитрий Николов	6
Оксана Заугольная	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Жнец темных душ

*Как-то в полночь, в час угрюмый, полный
тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, – вдруг неясный звук
раздался,
Будто кто-то постучался – постучался в дверь ко
мне.
«Это, верно, – прошептал я, – гость в полночной
тишине,
Гость стучится в дверь ко мне».*

– Бальмонт К.Д., «Ворон» (перевод Эдгара По)

Дмитрий Николов Дом вечного джаза

– Я вроде как не совсем пьяный, – Альберт снял очки, протер их об импортный пуловер и вернул на нос с выраженной горбинкой, – но, хоть убей, не понимаю, где мы находимся.

– Не дрейфь, мы от Бродвея совсем недалеко ушли. Погуляем немного да назад выйдем. – Стасик, который от полноты и несходящего румянца всегда казался веселее и беззаботней, чем на самом деле, не слишком уверенно огляделся.

– А ты знаешь, где это самое «назад»? – Тревожный голос Альберта прокатился по пустой питерской улице, на которой была ночь, был поникший старомодный фонарь, не хватало лишь аптеки.

Стасик огляделся, прислушиваясь. Не шуршали, перескакивая с асфальта на мостовую, такси, водители которых всегда были готовы продать загулявшим гражданам из багажника водку или коньяк. Не подвывали «все, что в жизни есть у меня» «Самоцветы» из приоткрытой по случаю летнего вечера форточки. Молчаливые двухэтажные здания в стиле классицизма осыпали с фронтонов старую штукатурку, и, кажется, это был единственный слышимый звук, когда смолкали разгоряченные голоса ребят.

– Саш, ну хоть ты-то его успокой. – Стасик повернулся к задумчиво тянущему в сторонке «самца» товарищу.

Саша молчал, лица его не было видно. Лишь когда он затягивался, алое зарево захватывало часть тонких губ и сильного подбородка. Неспешно докурив, Саша отбросил окурочек, откатил повыше горло водолазки, поддетой под клубный пиджак, и выдохнул:

– Как-то быстро похолодало...

Альберт уже шагнул к нему, чтобы завести свою тревожную шарманку, но позади раздались звонкие шлепки кед «два мяча» – вернулся Володя.

– Ничего, – выдохнул гонец, метя брусчатку несуразными клешами. – Ни таксистов, ни таксофонов, ни живой души. Несколько кварталов обежал, не могу обратную дорогу вспомнить, места незнакомые.

– А за что тебе тогда заплачено, проводник хренов?

Альберт взмахнул руками, хотел еще что-то добавить, но захлебнулся неразборчивым ругательством и стал бродить вокруг фонаря, словно боясь окончательно покинуть круг света. Стасик непонимающе водил головой из стороны в сторону. Саша растер зябнувшие ладони, откинул прядь некомсомольски-длинных волос, снова подкурил и, лязгнув «зиппой», уверенно зашагал по улице. Все понимали, что он не знает дороги, но не хочет подать виду.

Улица на глазах становилась уже, с губ товарищей то и дело срывался пар. Дома вокруг ветшали, коринфский ордер на фасадах сменился ионическим, а после и вовсе исчез; лишь гнутые сандрики превращали окна в изумленные глаза под вскинутыми бровями. Каждый чувствовал застывший в них немой вопрос: «а вы с какого района, ребят?». Стоявшие вдоль дороги фонари напоминали перегоревшие спички.

Несколько раз Стасик пытался заговорить то в шутку, то всерьез, но его будто никто и не слышал. Саша шел впереди, не оборачиваясь. Следом нетвердо шагал Альберт, сжав губы до синевы, словно пытаясь удержать плещущийся внутри страх. Замыкавший шествие провожатый Володя выглядел абсолютно безучастным.

Прежде прямая улица принялась змеиться, отчего было не понять, кончится она когда-нибудь или нет. А самое неприятное – нельзя было угадать, не выйдет ли кто навстречу из-за следующего поворота. Впрочем, чем уже становилась улица, чем сильнее дул навстречу пронизывающий ветер, тем больше хотелось товарищам встретить хоть кого-нибудь. Даже мест-

ных пролетариев. Ничего, Володька им свой – договорится. И деньги не жалко отдать, лишь бы не били да вывели к людям.

Обогнув очередной угол, Саша отступил в сторону, и отстающие увидели наконец мягкую желтую точку, качавшуюся посреди напластования теней. Дома поползли в стороны, отгесняемые парком. Товарищей встречал абрис голых черных ветвей на фоне сине-беззвездного неба, шелест сухой листвы под ногами и выплывающий из глубины парка тяжелый особняк.

Одинокий фонарь горел над крыльцом, но внутри было темно. Альберт приник лицом к небольшому окошку рядом с дверью, приложил ладони, пытаясь разглядеть хоть что-то, и тут же закричал глупым, страшным криком. Стасик инстинктивно сделал шаг назад, едва не скатившись со ступеней, даже Саша на мгновение присел. Только Володя стоял и тупо сверлил глазами дверь, отворившуюся мгновение спустя.

Можно было ожидать чего угодно. Что на пороге объявится, сжимая огарок свечи, мрачный дворецкий из позапрошлого века. Или зловещий призрак, звенящий цепями. Или пустоглазое порождение инопланетной природы, которое не успеешь описать, потеряв власть над своим рассудком...

Но за дверью стоял обычный мужичок, которому могло быть одинаково сорок и шестьдесят. Брит почти налысо; на пальцах правой руки, сжимающих большой туристический фонарь, наколки, левая спрятана за пазуху. Одет в вытянутый, с сигаретными пропалинами на груди спортивный костюм.

– Чего балуемся, молодежь?

– Заблудились, – выдохнули разом Альберт и Стасик.

– А известна ли вам этимология этого слова? – улыбнулся мужик, демонстрируя поржавевшую фиксу и недостаток зубов. – Не надо блудить, тогда и не заблудитесь.

– Мы не хотели вас тревожить, – вступил Саша. – Нам бы телефон найти. Знаете, где есть поблизости? Мы отблагодарим.

– Э, – отмахнулся мужик, – мне спать все равно не положено. А телефон есть, заходите.

Он пропустил товарищей вперед, запер дверь и, светя гостям под ноги, принялся командовать.

Прямо. Направо и по лестнице вниз. Теперь прямо и вверх. Мимо колоннады, по центральной лестнице. Налево. Здесь порог будет. Говорил же, растяпа. Нашел очки? Небось, в университете учился? Сразу видать. Налево. Еще раз. Пропусти. Мужик ключом отпер дверь, из-под которой пробивалась полоска света, и они оказались в большой комнате, захламленной с удивительным изяществом.

У правой стены стоял большой шкаф, у левой – лавка, стол и стул. Большую часть стола занимал раритетный граммофон, рядом с которым притаился телефон, еще более допотопный. Хозяин кабинета указал одной рукой на лавку, а другой – на телефон.

Пока товарищи усаживались, Саша взялся за отполированную трубку странной формы и осторожно поднес к уху, как любой другой поднес бы змею. Трубка молчала. Саша несколько раз нажал на рычаг и приложил динамик вплотную к уху, надеясь услышать гудки, но неожиданно услышал бравурный перелив саксофона.

– Алло! Алло!

– Да ты не разоряйся особо. – Хозяин аккуратно, как у ребенка, отнял трубку и положил ее на рычаг, после чего продемонстрировал свисавший со стола оборванный провод.

– Что это значит? – Саша побледнел и подобрался, губы его разлетались и тут же смыкались, как механическая гильотина. – Вы говорили, у вас здесь телефон.

– Так тебе телефон или звонить? – искренне удивился мужик.

– Но я слышал... – Саша покосился на оборванный провод и устало выдохнул. – Чаем хоть напоите нас?

– На всех кружек не наберется, к тому же сдастся мне, не чай вам нужен.

Мужик обернулся к шкапу и распахнул тяжелые створки. На левой полке высилась обелиском непочатая бутылка «охотничьей», вокруг которой, как идолопоклонники, грудились низкие стопки на тонких ножках. Но внимание изрядно продрогших друзей привлекла не водка. Пока хозяин мешкал с сервировкой, расправляя на столешнице старую газету, все товарищи уже толпились перед шкапом.

Внутри кроме бара оказалось некое подобие каталога с секциями, плотно утрамбованными аккуратными пожелтевшими конвертами. Каждая секция была пронумерована или подписана. Дюк Эллингтон, Майлз Дэвис, Чарли Паркер... Трусоватый обычно Альберт, как замороженный, протянул руку и достал первый попавшийся конверт. Внутри был плотный листок рентгеновского снимка, где поверх бледно-голубого переплетения костей сворачивалась в тугую спираль канавка звуковой дорожки.

– Это же джаз на костях... – прошептал Стасик; румянец схлынул с его щек.

– Откуда такое богатство, хозяин? – обернулся Саша к мужику, продувавшему рюмки и протирающему их пыльной вехоткой.

– Я здесь не хозяин, а всего лишь сторож. Можете кликать Генриховичем. А пластинки эти мне привез один опальный гэбист. Как старому джазмену, в знак уважения.

– Вы джазмен? – недоверчиво рассмеялся Саша.

– А что, рожей не вышел?

– Если на прямоту, то типаж не совсем тот.

– А я ведь с Утесовым выступал. «Веселые ребята» видели? Да не тарашьтесь так, выпейте лучше.

Ослушавшихся не было. Альберт, передернув кадыком, едва удержал крепкую в себе, Стасик раскраснелся с удвоенной силой, Володя выпил, как воду. Саша же швырнул в себя стопку и уже на вдохе нетерпеливо-недоверчиво спросил:

– Это ж сколько хотите сказать вам лет? Семьдесят?

– Точно не помню, но, может, и поболее, – усмехнулся-отмахнулся Генрихович. – А вы что, джазом интересуетесь?

– Не интересуюсь, играем! – вставил Стасик.

– Дай угадаю, ты барабаны мучишь, еврейчик – пианист, главарь, которого от важности раздувает, на саксе. А ты? – Сторож повернулся к Володе. – Ты чьих будешь?

– А я на танцах баян рву, – отстраненно-печально протянул парень.

– Занятно. Прямо клуб по интересам собрался. – Генрихович налил еще по одной, но теперь выпил тоже.

– Не бойтесь, что вас за такую коллекцию прихлопнуть могут? – Саша с нежностью провел пальцами по корешкам конвертов.

– Никому не нужен ваш джаз. Ни партии, ни слушателям, ни вам самим. Вижу, как смотрите на масти мои и наверняка напридумывали, что меня за антисоветскую музыку на севера сослали. Ну, это теперь мода. Похлеще джаза. Только от саксофона до ножа я дошел сам. – Неуловимым движением Генрихович выхватил из-за пазухи небольшую финку. – Видал? То же. Но вы ведь не грабить старика пришли?

– Нам бы такси или дорогу к метро... – Стасик опять сменил цвет лица.

– Не ездят сюда такси. Выйти без меня, пожалуй, тоже будет затруднительно. А я, пока дежурство не сдам, отсюда ни ногой. Пересидите до утра, а по светлому авось выпетляем. Сейчас там ни зги и наверняка уже снег.

– Июль месяц на дворе, какой снег? – возразил Саша, но почему-то произвольно поежился.

По лицам товарищей было видно, что они не будут возражать. Что не хочется им в безвыходную темноту, а хочется только тепла этой странной комнатки, бодрящей «охотничьей»

и... музыки, которая тихо играла у каждого в голове. Сторож, как будто не заметив Сашиного несогласия, продолжил.

– А чтобы не заснуть, можем байки травить. Страшные. И про музыку, конечно. Раз мы тут сплошь джазмены.

– Может, поставите что-нибудь из коллекции лучше? – боязливо попросил Альберт.

– Не поставлю и вам не советую. Но пусть это будет началом моей истории. Все-таки положено, как принимающей стороне, рассказывать первому. Вы присядьте, а ты, деловой, угости папироской.

Генрихович протянул руку к извлеченному Сашей из кармана «самцу», отломил фильтр, прикурил от своей спички и заговорил.

* * *

Дело было во времена расцвета истории с «джазом на костях». Один паренек, у которого не было знакомых врачей и, видимо, ума, решил собрать свою фонотеку весьма экзотическим способом. Он ходил на рентген. Записывался к хирургу, поочередно жалуясь то на ногу, то на руку, то на позвоночник. Потом бежал на толкучку, где на его же костях за дополнительную плату ему нарезали музыку. Время тогда другое было. Хочешь играть джаз – играй, но вот достать пластинки... Это теперь ваши папаши их из-за бугра чемоданами прут...

Одним словом, когда паренька просветили буквально со всех сторон, врач догадался, что дело нечисто, но глубины аферы представить себе не мог. Тогда юный меломан принялся ходить по зубным да по флюорографиям, наконец стал выпрашивать снимки у друзей и коллег после профосмотра. А потом заболел. Тяжело. Буквально стогреть начал. Лежал только да одну за другой слушал пластинки – сил переворачивать и опускать иглу пока хватало. Но никакой жалости к себе у него не было. Для паренька произошедшее было абсолютно естественным ходом вещей – он уплатил по счету самым дорогим за самое дорогое.

В один день по слабости своей забыл он вытащить кипятильник из розетки. Вода выкипела, кружка перевернулась, и случился пожар. Каким-то чудом паренек все-таки проснулся, огляделся и понял, что снимки с его внутренностями, с музыкой, которая была важнее всяких внутренностей, горят. Плавятся, стекают с полок, собираются в лужицы на полу. Не смысл его жизни, а сама его жизнь – ведь каждый снимок понемногу высасывал из него здоровье.

Паренек, конечно, вместо того чтоб пожарных вызывать, бросился жар из огня таскать, да все зря. Пальцы его облепляла, обжигала до кости вязкая пластмасса, застывая неснимаемой перчаткой. С верхних полок текло на голову и плечи. Отчаявшись, он бросился в двери и тогда заметил, что последняя пластинка осталась на патефоне. Негнушимися пальцами паренек аккуратно снял ее, спустился по лестнице, сел на засыпанную снегом лавку и закричал так, что весь дом проснулся. А потом умер, баюкая на груди уцелевшую пластинку. По-хорошему, их бы вместе похоронить, но вмешался случай.

Не знаю, кто именно посмел у мертвеца из пальцев вытащить «кости». Скорее всего, загулявшая шпана или запасливые соседи. Знаю одно – пластинку приберегли для случая, как редкий трофей, и поставили на какой-то пьянке. Той же ночью случилась поножовщина, один погиб. На следующий день девчонка из той компании с моста сиганула. Еще одного хлопца в психушку увезли. А тем временем пластинка пошла по рукам. И след за ней. Недобрый.

Благо чекисты у нас не дремлют, по своей биографии знаю. Опросили они этих беспредельщиков, один другого безумней, и каждый пластинку ту самую упоминал. Только вместо музыки, говорят, на ней был крик нечеловеческий, истошный записан. И всякий, кто этот крик услышал, хоть краем уха, никогда больше от него отвязаться не мог – ни днем, ни ночью. Рассказням страшным никто, конечно, не поверил. Конфисковали пластинку. А так как мы при

материализме живем, нашелся один капитан, который решил всем продемонстрировать свое презрение к этой легенде. Надо рассказывать, что дальше было?

В конце концов попала пластинка к моему знакомому гэбисту. Руководство же не на шутку возбудилось. Под этим соусом объявили войну «джазу на костях». Из суеверия ли, из прагматических соображений – не суть. Так у моего знакомого целая коллекция образовалась. И вот она здесь. Хотите фокус?

* * *

В абсолютной тишине Генрихович подошел к шкапу и, порывшись, извлек отдельный коробок, оттуда – конверт, а из него – «кости». В два шага он оказался у граммофона и накиннул пластинку. Игла опускалась мучительно медленно, пока в последний момент не уперлась в Сашину ладонь. Парень скривился и аккуратно отвел иглу в сторону; на ладони выступила капелька крови.

– После ваших историй, товарищ Генрихович, что-то совсем слушать перехотелось.

– Хорошую, выходит, я историю вам рассказал, ребята. Напужал. Но я сам не безумный. – Сторож блеснул фиксой. – Эта проверенная. Впрочем, как хотите. Кто следующий? – Он обвел взглядом притихших ребят.

Стасик безостановочно, словно пытаюсь затереть грязные пятна, наглаживал колени, Альберт хлопал длинноресничными глазами, Саша нервно облизывал ладонь; один только Володя сидел, равнодушно глядя в бездну шкапа. Генрихович разлил поровну остаток «охотничьей» и выпил, никого не дожидаясь. Потом встал, закрыл шкап на замок и спрятал ключ за пазуху, к финке.

– Но учтите, я ж вам как сознательным комсомольцам, по секрету все говорю. – Сторож приложил палец к губам и свел брови на манер женщины с плаката «Не болтай».

– Нет, это все какая-то ерунда, уж простите. – Саша вскочил с лавки и, забыв выпить, зашагал между ящиков.

– Ерунда, сынок, сушая ерунда. Смеху ради выдумал на ходу. И ты что-нибудь выдумай. Тебе продолжать, коли ты у этих соколов за старшего.

Саша бросил взгляд на японские котлы, которые показывали ничего.

– Черт, батарейка, – пробормотал он про себя, потом поднял голову и продолжил вслух: – Хотите историю? Что ж, пожалуйста.

* * *

В начале века объявился в Новом Орлеане – а чем для джаза ценен этот чудесный угнетенный американский город, надеюсь, никому объяснять не нужно, – убийца. Про него по сей день ничего толком не известно. Он врывался в дома с огромным топором наперевес, порой буквально прорубая себе дорогу. За это его прозвали Дровосеком. Производил он на потерпевших такое ужасающее впечатление, что даже выжившие не могли припомнить его отличительных черт.

Наших доблестных чекистов в Америке не было, а потому местные полицейские лишь руками разводили. Дровосек же после каждого нападения слал фараонам язвительные письма, представляясь не менее чем созданием ада. Казалось, Дровосеку было совершенно безразлично, на кого нападать – на мужчин и женщин, стариков и младенцев, беременных и увечных. При чем здесь джаз? Подождите, самая интересная часть истории, о которой мало кто из ныне живущих слышал, ждет вас впереди.

В конце концов убийца настолько обнаглел, что стал назначать время нападения на своих будущих жертв. Но куда любопытнее другое. В одном из писем он обещал пощадить всякого,

у кого дома будет играть джаз. Это привело к тому, что в назначенный срок весь квартал, где происходили убийства, превратился прямо-таки в фестиваль молодежи и студентов: народ выставлял в окна граммофоны и патефоны, у кого их не было – напрашивался в гости или шел в переполненные дансинги, где выступали живые артисты. Считается, что в эту ночь Дровосек пощадил своих жертв за послушание. Официальная история на этом заканчивается. Вскоре все убийства прекратились, а у полиции так и не было подозреваемых. Только легкомысленные нью-орлеанские музыканты написали по горячим следам «джаз Дровосека».

А вот что рассказал мне один торгпред. Они тогда долго выпивали у отца в кабинете, а потом отца сдернули на очередной аврал. Так я остался один на один с пожилым мужчиной, который был прилично старше отца. С гостями мне полагалось быть учтивым и смиренным, потому я приготовился выслушивать занудные нотации, но торгпред неожиданно заинтересовался моей коллекцией пластинок. Оказалось, он в молодости был к джазу равнодушен и служил в Америке. Уже догадались, куда однажды занесла его судьба?

С сопровождающим от американской стороны торгпред гулял по вечернему Новому Орлеану, и ноги сами вели его в злачные черные кварталы. Американец упирался, но отказать не мог. И вот они зашли не то в бар, где играли джаз, не то в дансинг, где наливали. Белыми в этом месте были только они.

Удивленный хозяин выделил им столик в углу и пристально следил за странными посетителями. Сопровождающий вертелся как на иголках, торгпред же был похож на ребенка в «Детском мире». Слышавший прежде всякий джаз и полюбивший его всей душой, он впервые понял суть этой музыки лишь тогда. Понял, что джаз в записи – как красotka на фотографии: можно восторгаться, но по-настоящему полюбить нельзя. Джаз – музыка живых и для живых. Непредсказуемая и неуправляемая. У торгпреда на глазах создавался мотив, который никогда не существовал до этого дня и никогда не мог быть повторен больше.

Он был до того очарован, что не заметил, как отошедшего в туалет сопровождающего перехватила группа крепких черных ребят и настойчиво подтолкнула к выходу. Когда концерт закончился, торгпред понял, что сидит посреди чужой страны, в толпе разгоряченных негров, совершенно один. И в этот миг на стол опустился стакан с бурбоном, а на пустовавший стул рядом сел хозяин заведения.

Он долго и недоверчиво расспрашивал торгпреда о его жизни и о такой непонятной любви белого к настоящему джазу. Наш герой, конечно, ему прочитал коммунистическую мораль, а после распитой бутылки и размягчившей душу беседы предложил помочь «хлопковому поясу» отделиться от США. Короче говоря, собеседники нашли друг друга. Когда пришла очередь откровенничать хозяину, он открыл торгпреду подлинную историю Дровосека.

Они с убийцей познакомились в этом же баре. Тот был уже почти старик, а на коленях его лежал саксофон, который Дровосек ласково и беспрестанно поглаживал. Из его сбивчивого рассказа можно было понять, что Дровосек до череды ужасных преступлений был самым обычным, не слишком удачливым джазменом. Днем надрываясь на тяжелой работе, вечерами он пытался выдуть из купленного на многолетние сбережения саксофона хоть что-то, похожее на музыку. И сходил с ума от бессилия. Однажды он краем уха услышал легенду про обряд перекрестка. Встав на пересечении дорог, можно было обменять свою душу у дьявола на что угодно. И Дровосек решился.

Он взял саксофон, пошел в полнолуние на пустынный перекресток и... жизнь его круто изменилась. Теперь Дровосек мог зарабатывать на хлеб музыкой, сливаясь с инструментом в блаженном экстазе. Но, как известно, за все приходится платить. Поэтому, отыграв очередной концерт, Дровосек шел убивать, практически теряя контроль над собственным телом, однако сохраняя трезвый рассудок. Его руки резали, кололи, рубили без промедления...

Никаких писем он, конечно же, не писал. Но именно письма вернули погружающегося в кровавое безумие Дровосека к жизни. Поначалу он не обращал внимания на перепечатки чванливых строк в газетах. Но требование слушать джаз пробудило в нем интерес.

Дровосек видел в темноте, слышал на мили окрест, и нос его через типографскую краску дотянулся до чернил письма, уцепился за тонкую ниточку запахов, свитую из дорогого парфюма, пармской ветчины и кубинских сигар. Аромат привел Дровосека в богатый квартал, к дому... владельца звукозаписывающей компании. И тогда убийца прозрел. Он понял, что его кровавая жатва – всего лишь навоз для хитрого белого дельца, который пачками скупал черных певичек и начинающих музыкантов, продавая их голоса – нет, их души, – втридорога.

В ночь, когда в бедном квартале всюду играли джаз, Дровосек ворвался в дом дельца и забил того насмерть своим саксом, на котором не осталось ни вмятинки. Так как дело происходило в богатом районе и обстоятельства были совсем не похожи на обычный почерк Дровосека, никто не уловил связи этого убийства с другими. Сам же преступник опомнился уже на перекрестке. На том самом перекрестке. Он больше не чувствовал клокочущей ярости где-то внутри, но вместе с ней ушла и щекочуще-саднящая истома предвкушения непролитой музыки. Он припал губами к саксу, ударил пальцами по клапанам... Все было зря. С тех пор его наказанием было носить онемевший инструмент и память о всех совершенных убийствах.

Договорив, Дровосек попросил хозяина налить ему рюмку бурбона. Когда тот вернулся, старик сидел недвижимо – хозяин не сразу понял, что он мертв. Дровосека похоронили, а саксофон остался в баре – хозяин, заплативший за похороны, повесил его над стойкой. Прикасаться к инструменту было запрещено много лет. Это стало непререкаемо настолько, что, когда много лет спустя хозяин снял со стены саксофон и протянул его торгпреду, в переполненном дансинге стало тихо, как на кладбище. Минутой позже слегка потрепанный сопровождающий ворвался в зал вместе с отрядом полиции. Негров разогнали, хозяина арестовали, а торгпред поневоле стал обладателем страшного инструмента.

Я, конечно, спросил тогда, всерьез ли старик рассказал мне эту историю, на что он лишь пожал плечами, посоветовал быть осторожней в своих желаниях и внезапно засобирался.

Года два спустя мне довелось побывать в гостях у торгпреда. Он уже отошел от дел и вел полузатворническую жизнь в одной из высоток. Вместе с отцом они удалились для короткого разговора; я же, только войдя в гостиную, увидел висящий на стене саксофон. Инструмент просто приковал мой взгляд, я... кажется, даже немного возбудился от его призывных изгибов. Он объединял в себе женское и мужское начало, как чудесный гермафродит. Если я закрою глаза, могу представить его в мельчайших деталях даже сейчас. Да, так и есть, помню.

Не помню только, как оказался у стены, как придвинул к ней подвернувшийся под руку пуф, как взобрался на него, снял сакс со стены и почти успел прикоснуться к нему губами. Зато я помню пощечину, которую отвесил мне вырвавшийся из кабинета торгпред. Ни до, ни после никто не смел бить меня так. Но где-то в глубине души я знал, что полностью заслуживаю этого. Не знал мой отец, который навсегда поставил на хорошем знакомом крест. Говорят, он отказал ему в возможности достать импортное обезболивающее, когда старика съедал рак. Впрочем, на этом история Дровосека и его саксофона закончена. Я никогда его не увижу и, честно говоря, очень рад этому.

* * *

Саша наконец подошел к столу, махнул водки и тяжело опустился на лавку.

– Кто знает, сынок, кто знает... – задумчиво проговорил Генрихович. – Но спасибо за историю, не подозревал в тебе такого Цицерона.

Саша не ответил, губы его сжались так плотно, что, казалось, кто-то стер рот ластиком с его лица.

– А у меня тоже есть история! – На лице Стасика читались одновременно восхищение и испуг; он вытянулся, как ученик на уроке, и заговорил.

* * *

Я не стану даже намекать, от кого ее услышал. Скажу только, что теперь он большой военный. Вот.

В войну дело было. Отряд белорусских партизан отправился на рейд в фашистский тыл. Партизан этих фрицы боялись как огня, поэтому решились уничтожить их любой ценой. Собрали, значит, побольше солдат, и майор повел их в лес, где партизаны укрылись. Но даже превосходство числом не слишком придавало уверенности. Темные, вековые, необжитые чащобы порой страшнее пуль. День за днем петляли фрицы по лесам. Наконец им улыбнулась удача – почти выследили они партизан, вышли к опустевшему лагерю. Вот.

Обыскав лагерь, они собирались двинуться дальше, но раздался из самой глубины леса гордый бой барабана. Майор дал команду обороняться, ожидая атаки, однако звук наоборот стал постепенно отдаляться. И тогда фрицы бросились следом. А барабанщик был неутомим, держал ритм днем и ночью. Но главное – никогда не останавливался. Несколько дней фрицы провели в изматывающем марше, а он все колотил, будто одержимый. Продираться сквозь дебри становилось труднее с каждым часом, под ногами земля размягчалась, пока не превратилась в настоящее болото. Вот.

Фрицы уже не рады были своему плану, однако повернуть назад не могли – неба над головой не видно, карты врут, стрелка компаса указывает только туда, где бьет неутомимый барабан. Идти все тяжелее, топь кругом, еще и туман спустился. А потом барабан умолк. И воцарилась тяжелая тишина. словно сердце, своим биением направлявшее группу, умерло, замолкло. И эта тишина стала сводить фрицев с ума. Они перестали слушаться приказов: разбредались по болоту, тонули, почти не сопротивляясь и не спеша помочь ближнему, травились болотной ягодой. Вот.

А потом из тумана появилась фигура совсем юного мальчишки. На шее его болтался пробитый барабан, пальцы сжимали остатки палочек. Проклял мальчик уцелевших фрицев по матери и скрылся в лесу. Бросились фашисты следом, но уже поспеть не могли. Один только осатаневший майор шел по его следу до самого лагеря. Там он нашел мальчишку лежащим без чувств. Схватил его и поволок к своим. Мальчишку допрашивали, пытали, но он ничего не выдал. В углу стоял его лопнувший от немыслимого напряжения барабан. Наконец, поняв, что ничего им из пленника не выбить, они решились на страшную месть. С мальчишка заживо сняли кожу, а потом натянули ее на барабан. Вот.

Следующим утром как снег на голову свалился фрицам тот самый партизанский отряд. Чтобы спасти товарищей, мальчишка вызвался отвлечь врага. Теперь же партизаны пришли за мальчиком. Когда обнаружили они истерзанного друга, не осталось в их сердцах пощады – убили партизаны всех уцелевших фрицев. Потом похоронили мальчишка, а барабан, напоминавший им о друге, забрали с собой. Говорили, звук его стал с тех пор сродни раскатам грома – резким, трескучим, оглушительным. Фрицы же содрогались, услышав что-то хоть чуть-чуть напоминающее барабанный бой.

Вот.

* * *

Стасик раскраснелся, как уголек, – казалось, он ждал аплодисментов. Но все были недвижимы, и пришлось ему сесть на прежнее место, чтобы Генрихович назначил следующего рассказчика.

– Ну, продолжать тебе, жертва государственного антисемитизма.

Альберт не сразу понял, что обращаются к нему, поэтому ответил Саша.

– Не надо этого. Он наш. Ну, в хорошем смысле советский. Почти русский.

Альберт лишь недоуменно сверкнул очками на заступника.

– Да мне-то какая разница? – усмехнулся Генрихович. – Просто я тут сижу при всех своих талантах и образованиях, а его папашка небось стройтрестом руководит. Не так, скажешь? А всё жалуются.

– Раз уж вас так интересуется, почему евреев всегда беспокоит один только намек на погром, – вскинулся Альберт, – я расскажу вам одну историю.

* * *

Все произошло в один из бесчисленных еврейских погромов на юге царской Украины. О точном времени и месте я нарочно умолчу, равно как и о национальности погромщиков, потому как происходили погромы тогда часто, всюду и почти по одинаковому сценарию. Кто честнее – били в лице евреев своих деловых конкурентов, кто изощренней – искали повод в виде ритуальных убийств. Впрочем, некоторые обходились и без сколько-либо внятной аргументации. Это могли быть русские, украинцы, грузины, молдаване, казаки или даже греки...

В тот день весь город оказался на улицах. Где-то пыталась дать отпор еврейская самооборона, кто-то спешил за помощью к равнодушно наблюдающим насилие полицейским, кто-то просто спасался бегством, забыв обо всем. Погромщики врываются в лавки, рассовывали по карманам копеечный товар, пили любое найденное спиртное. Ежесекундно звенели выбитые стекла, треск нарастающего пожара заглушал крики людей. Дело, конечно, было не в грабеже, это был механический рефлекс. Им хотелось унижения, крови. Изнасилования были не следствием возбуждения, а лишь проявлением жестокости.

И поверите вы мне, если я скажу, что был в городе один человек, который ничего этого не слышал? А это истинная правда. Он был пианист. Отказавшись пойти по стопам отца-ребя, он изо дня в день тренировал свою блестящую технику. Пианист был так одержим, что, садясь с утра за рояль, не вставал порой до самых сумерек. Даже когда инструмент не издавал звуков, музыка, скопившаяся у него в голове, заслоняла весь мир. Выстрелы за окном были для пианиста не громче хлопучек, крики – не назойливей детских считалок.

Когда погромщики вошли в комнату, пианист ничего не услышал. Он не слышал, как стучали по паркету каблуки, как незваные гости удивленно перешучивались и бесцеремонно шарили по шкафам. Не обонял смрад сивухи и самосадного табаку. В мире музыки это было попросту невозможно. Вернула его в наш скорбный мир жесточайшая боль в пальцах и кистях. Пока двое, схватив, удерживали пианиста, третий раз за разом наваливался на тяжелую крышку всем весом, давя руки несчастного.

Ничего не понимающий пианист выл. Но выл не от боли. Не только от нее. Он знал твердо и наверняка, что никогда больше не сможет играть. Выл так страшно, что погромщики не стали его добивать и поспешили уйти. Пианист же, не понимая до конца, зачем это делает, забрался в рояль, лег прямо на струны, прикрывшись, насколько это было возможно, крышкой. Он думал, что обязательно умрет, что рояль станет для него гробом. А еще пианист молился, трогая искалеченными пальцами струны и прося забрать вместе с его жизнью жизни погромщиков. Он переходил с русского на идиш, а проклятия его становились все страшнее.

Пианист, конечно, выжил. Я видел его руки, его пальцы. Они принадлежали моему деду. А каждый из погромщиков вскоре после трагедии кончил ужасной и необъяснимой смертью. Первому начисто отпилили голову рояльной струной. Второго нашли изрешеченным сотней металлических штырей, в которых узнали рояльные колки – вирбели. И если гибель первых двоих еще можно списать на убийство, пусть и изощренное, то третьего обнаружили в запертой

изнутри комнате. Его словно пережевали огромные челюсти, оставив бесформенный мешок, набитый костями и мясом.

* * *

Альберт снял очки, потер раскрасневшиеся глаза и закончил:

– По этой причине разговоры о всяком, пусть только гипотетически возможном, насилии, все евреи мира воспринимают одинаково.

Альберт, кажется, собирался продолжить, но его прервал долгий раскатистый смех Володи. В полной тишине он смеялся так долго, что на глазах его выступили слезы. А после и сам смех перешел в рыдания.

– Что ж, – подытожил Генрихович, – у нас осталась еще одна история. Давай, Володя, соберись напоследок.

* * *

В моей истории не будет никакой мистики. Почти. Бывает, что жизнь куда страшнее пересказанных через третьи руки историй. Потому что она здесь и сейчас. Жила на свете девочка Валя. Из простой, можно сказать бедной семьи. Наивная, доверчивая. Красивая простой, глубокой красотой. Работала, училась на вечернем. Вся жизнь у нее была впереди. Знала Валя, что отучится она на отлично, что будет у нее дом или квартира, нашим государством всякому труженику гарантированная, что будет любимый муж и будут дети. Чрезмерно ли было ее желание? Нет. С большой долей вероятности так и было бы. Потому что училась она на отлично, работы не боялась; и был у нее друг. Друг, души в Вале не чаявший.

По выходным друг этот играл в клубном ансамбле на баяне. Для души играл, не для денег. А в понедельник вставал и шел на завод. И тоже был жизнью своей почти что доволен. Тоже знал, что впереди у него только хорошее. Но бывают и между близкими людьми обиды. Хотела Валя пойти в ресторан, послушать столичный джаз. А другу ее тогда не до ресторанов было, копил он на колечко и на свадьбу, чтобы по-человечески. К тому же выиграла в нем творческая ревность, не без этого. Одним словом, пошла Валя в ресторан с подругой.

И вскружил ей голову не то джаз, не то коктейль «карнавал», не то угостивший ее коктейлем красавец-саксофонист Саша. Хранившая душевную и телесную чистоту Валя не видела ничего дурного в том, чтобы принять приглашение и немного поговорить о музыке с Сашей и двумя его друзьями, Стасом и Альбертом. Валина подруга сперва согласилась отправиться в гостиницу неподалеку, но уже у дверей сказала, что ей пора домой. Вале же было одинаково неловко и оставаться одной, и отказываться от приглашения. Она сказала, что задержится буквально на полчаса. Но ребята раз за разом давили на жалость, льстили, подливали...

А потом изнасиловали ее. По очереди.

Вернулась Валя домой с червонцем, который вручил ей напоследок Саша. Рассказала эту историю матери, а пока та бегала в милицию, повесилась в чулане. Вечером ее друг, баянист Володя, осознав, какую ошибку совершил накануне, пришел свататься. С цветами. С кольцом.

Когда он ворвался в гостиницу, номер был пуст. В милиции поначалу зашевелились, но, узнав имена подозреваемых, быстро свернули расследование. Так уж вышло, что все они были детьми людей чересчур влиятельных, а доказательств у семьи погибшей не было никаких.

Три года Володя не мог жить. Сначала пил, потом лежал в психбольнице. Там он и встретил человека, рассказавшего ему про Дом вечного джаза и давшего адрес с несуществующей улицей на мятой бумажке. Володя ему тогда не поверил. Но первое, что он увидел после выписки, – была ресторанный афиша.

Да, это были они. Как ни в чем не бывало Саша, Стас и Альберт готовились выступить в том же ресторане. На вокзале трою в встретил увлеченный джазом восторженный и дураковатый провинциал Володя. Он таскал их чемоданы, бегал в магазин, обещал экскурсию по городу – все, лишь бы приобщиться к прекрасному. У Володи был с собой цианид, был нож. Он выбирал, как и когда кончит этих гадов, но неожиданно заметил указатель с названием той самой несуществующей улицы. И понял, что сегодня ему не придется марать рук.

* * *

Володя обвел взглядом троих товарищей. Генрихович следил за происходящим с нескрываемым интересом. Первым смог заговорить Альберт.

– Я не насиловал. Я был против.

– Практиковал непротивление злу насилием? – ухмыльнулся сторож.

– Не всегда плохие поступки совершают плохие люди, – медленно проговорил Саша, словно сам не верил в свои слова. – Мы дураки были молодые. И ничего не знали о судьбе этой... Вали.

– На самом деле ее звали Лидой, – тихо сказал Володя. Вы даже имени ее не запомнили.

– И что теперь? – Стасик вскочил с лавки, половину его лица заливал горячечный пурпур, половина была белой, как простыня. – Думаете, можете нас запугать?

– Никто не будет никого запугивать, – спокойно ответил Генрихович. – И убивать не будет.

– А зачем тогда этот спектакль? – В словах Саши было больше усталости, чем вызова.

– Затем, что перед нашим выступлением хорошо бы душу очистить. Чтобы ничего не тяготило, чтобы только полет, импровизация, счастье. – Генрихович поднялся со своего стула. – Идем!

Он отпер дверь и вышел первым, за сторожем проследовал Володя. Лишь тогда, опасливо перешептываясь, выглянули в темный коридор Саша, Стасик и Альберт.

– Не отставайте, здесь без меня опасно, – крикнул Генрихович и свернул за угол.

Шли они впотьмах как будто целую вечность, пока сторож жестом фокусника не отворил двери в огромную концертную залу. Зрительские места пустовали, на залитой же светом сцене выстроились в ряд инструменты. Саша дрожащими руками поднял сверкающий сакс, который узнал бы из тысячи. Стасик перекинул через шею ремень барабана и погладил потемневшую кожу в пятнышках мальчишеских родинок. Альберт опустился на банкетку перед гробоподобным роялем, на пожелтевших клавишах которого отчетливо виднелись следы замытой крови. Володя взял свой старенький баян. Генрихович подошел к стоявшему на авансцене рекордеру и водрузил на него чистый рентгеновский снимок.

Стоило сторожу нажать на кнопку записи – и четверка заиграла разом, без раскачки. Генрихович сел, свесив ноги с края сцены, и мечтательно закрыл глаза. Музыка была прекрасна. Она фланировала от легкомысленности к напору, от жизнерадостности к меланхолии. Ее хотелось слушать не дыша, остановив сердце, мешающее идеальному ритму, и в то же время хотелось вскочить, чтобы танцевать под нее до изнеможения. Музыка останавливала время, стирала весь мир за пределами зала. Она стирала память о прошлых неудачах и тревожные предвкушения грядущих. Хотелось, чтобы она не кончалась никогда.

Первым стал задыхаться саксофон. В прямом смысле. Генрихович обернулся и увидел, как ожесточенно пытается Саша вдуть воздух в инструмент, но на самом деле раздувается сам. Глаза парня выкатились из орбит, шея расплылась, как у больного базедовой болезнью, живот и грудь надулись так, что водолазка задралась почти до шеи. Сакс ревел пожарной сиреной – Сашины пальцы продолжали исправно нажимать на клапаны. А потом Саша лопнул, как мясная хлопушка, разбрызгивая в стороны мелкую красную морось.

Остальных музыкантов объял ужас, даже с лица Володи сползло прежнее равнодушие, но было видно, что они уже не могут остановиться.

Следующим был Стасик. Палочки лопнули у него в руках, и Стасик с громовым грохотом принялся биться в барабан, ставший как будто каменным. Было видно, как ладони его окрасились кровью, доносился хруст костей, но барабанщик не сбавлял силы ударов, под которыми его конечности укорачивались, как карандаши под натиском точилки. Когда бить стало попросту нечем – из плечей Стасика торчали теперь бессильные культы – он опустился на колени и принялся бить в барабан лбом. Несколько ударов хватило, чтобы голова его расплылась забытым на подоконнике плодово-ягодным мороженым. Но даже после этого Стасик – точнее, то, что от него осталось, – пытался из последних сил броситься на барабан грудью.

Альберт понял, что будет следующим, из глаз его брызнули слезы, и в этот же миг рояль, как огромная лягушка, проглотил его. Пока челюсть крышки трамбовала тело внутрь, не поместившиеся ноги по-кукольному вздрагивали в такт музыке. Высосав из жертвы все, что было можно, рояль срыгнул на пол горсть костей, выглядывавших из прорех кожного коlobка.

– Ну что, Володя, пришла пора оплатить долг, – лукаво подмигнул парню Генрихович.

Володя все шире разводил в стороны меха баяна, и вслед за ними раздавалась его грудная клетка. Трещали кости, трещала одежда. Наконец ребра разошлись так сильно, что кожа между ними лопнула, и в прорехе показалось еще бьющееся сердце. Мгновением спустя все было кончено.

Сторож снял с рекордера готовую пластинку и вышел из зала. Через закрытые двери он слышал нарастающий гул аплодисментов. В кабинете Генрихович положил «кости» в конверт, подписал его и отправил в шкаф. После этого вымыл рюмки, достал из ящика в углу новую бутылку «охотничьей», взамен поставив пустую тару. Сторож хотел было присесть, но чуткое ухо расслышало несмелый стук в дверь. Дежурство в Доме вечного джаза никак не кончалось.

Оксана Заугольная

Хвосты

Алина умерла. Как глупо! И непонятно, что хуже – лежать на полу собственной кухни и знать, что пролежишь так еще долго, пока не протухнешь, запахом не протечешь к соседям, которые и забьют тревогу, или понимать, что смерть вовсе не конец ощущений. Стало только хуже, Алина по-прежнему все чувствовала, но не могла пошевелить даже пальцем или закрыть начинающие сохнуть глаза. Ничего.

С мамой она дежурно созванивалась на Новый год, и следующий звонок планировалсяне скоро, на Восьмое марта. Ах нет, мама может позвонить еще семнадцатого февраля, когда Алине исполнится тридцать четыре. Должно было исполниться, неудачница!

Ноги мерзли, задница тоже. И совершенно не вовремя обострился слух. Она даже не могла скрипеть зубами от раздражения, которое вызывает неплотно закрытый кран. Капает совсем немного, но каждый раз бьется о стоящую в раковине невытую посуду. Прекрасно просто, люди найдут не только ее распухший вонючий труп, но и грязную посуду в раковине, в комнате тоже бардак, да и трусы она сегодня надела удобные, а не красивые. Она же не собиралась куда-то идти. В некотором роде и не пошла.

Алина хотела рассмеяться своим сумбурным глупым мыслям, но мертвое тело и это не позволило.

К смерти вообще дано приготовиться не многим, но настолько быть неготовой надо уметь. Хорошо хоть, корм кошкам сыпется автоматически и хватит там надолго. «Боже, благослови изобретателя автоматических кормушек, если ты есть, конечно». Алина находилась в том состоянии, когда уже начинаешь сомневаться в существовании бога. Словно в ответ на ее мысли, из коридора послышались кошачьи шаги. Это, наверное, в каких-нибудь сказках кошки ходят бесшумно. Или просто Алине достались неправильные кошки, которые топали, как маленькое стадо. В любом случае сейчас все четыре заявили на кухню.

Алина не видела их, ей вообще доступен был лишь плохо покрашенный со следами кисти потолок. И спасибо за эти следы, иначе совсем с ума бы сошла! Но, несмотря на это, она точно знала, где какая из кошек.

Трехцветная «дворянка» Фрося остановилась у входа на кухню и деликатно ждет, когда ее позовут. Не дожدهшься, милая, не в этот раз. Самая старшая из Алининых кошек, подобранная «на счастье» в подворотне еще котенком, Фрося отличалась королевским воспитанием и совершенно не кошачьей скромностью. Сибирская Беатриска-Ириска сразу побежала есть, да с таким шумом, словно кошечку держали взаперти и вот наконец-то допустили до еды. Персидская Луша забралась на ноги раскинувшейся на полу хозяйки и свернулась клубком подремать. Эта кошка засыпала где угодно, и она вряд ли вообще заметит когда-нибудь, что хозяйка умерла. И наконец – Банни. Новенькая в их женском кошачьем царстве.

Банни Алине привезла подруга прямо из Японии. Строго говоря, «неправильного» бобтейла Катя привезла для себя. Ездилa учить язык и за приключениями, а нашла жениха и вот такую кошечку с длинноватым для бобтейла хвостом. Подарок жениха. Так что, выправив все документы для перелета, она повезла Банни домой. Жених должен был приехать следом, но что-то не сложилось. Катя не объясняла, а Алина не спрашивала. На кошку у Кати началась сильная аллергия, да и глаза подарок мозолил, надрывал разбитое сердце. Не в силах помочь подруге утешиться из-за потери вероломного японца – ну не сильна она в утешениях! – Алина легко взяла кошку, сменив какое-то очень японское имя на домашнее имя любимой героини Сейлор Мун.

Банни была кошечкой умной, исправно ходила в лоток, ела любой корм и не драла обои. А что хвост длиннее, чем у любого бобтейла, – так Алине кошки не для выставок, а для души.

И вот сейчас Алина лежала и слышала, как Банни подходит к ее руке и с мурчанием трется о тыльную сторону холодной ладони. Не успев умилиться такой преданности новенькой, Алина почувствовала шершавый кошачий язык на коже.

Сначала ей было даже приятно, теплый зверь методично проходил язык по руке. Но потом она поняла, что Банни лижет в одном и том же месте, а шершавый язык дарит не ласковые прикосновения, а проходит как наждак, сдирая кожу, пролизывая ее до мяса и глубже, к кости.

«Да она меня жрет! – с опозданием сообразила Алина. – Ладно хоть не с лица начала».

Картина распухшего вонючего трупа перед глазами обрела еще больше красок: теперь он был обглодан до костей. Как знать, может, остальные кошки тоже присоединятся к Банни, когда поймут, что сухой корм – это сухой корм, а хозяйка все-таки может и испортиться...

От этих мыслей Алину замутило, боль в руке стала невыносимой, а тошнота комковато подбиралась к горлу.

«Как же глупо я умерла! – с отчаянием подумала Алина. – Стоп. А как именно я умерла?».

Эта мысль, тошнота, боль – все смешалось во взрывоопасную смесь, которая буквально подкинула Алину в воздух, и она рывком села. На кровати.

Размышлять об этом было некогда, она бегом помчалась в туалет, чудом не споткнувшись о вышедших на шум в коридор кошек, где наконец и облегчила бунтующий желудок, низко наклонившись над унитазом. Потом Алина долго полоскала рот под краном и вытирала руки, набираясь смелости зайти на кухню. Сон был слишком яркий. Она, может, и отравилась суши, но этим объяснялась тошнота, никак не остальное.

Отругав себя за трусость, Алина набрала мамин номер.

– Что-то случилось, Алиночка? – Голос мамы был встревоженным. Еще бы, они не созванивались без повода... дай вспомнить сколько. Пару лет точно. С тех пор как разругались из-за того, что Алина вместо мужа и детей завела еще двух кошек в компанию к Фросе. И мама не хотела понимать, что Алина просто не желает, как все, заводить семью просто «чтобы было». Мама в сердцах сказала, что лучше бы она залетела и вышла замуж, а потом развелась через полгода, как пара ее подруг, и этого Алина простить не смогла.

Но сейчас ей не хотелось быть в квартире совсем одной. И она позвонила маме.

– Нет, мама, просто хотела узнать, как у тебя дела, – как можно аккуратнее ответила Алина, носком ноги толкая дверь в кухню.

Капает кран на грязную посуду. На столе крошки и недопитый чай. Больше ничего. Под ногами пронеслась Ириска и бросилась к еде. Луша с мурчанием начала тереться о ноги, Фрося со скорбным выражением на морде застряла у входа, переминаясь с лапы на лапу.

– Хорошо у меня все. – Голос мамы все еще звучал нервно, но уже спокойнее. – Ты как? Как здоровье? Работа?

Алина стиснула зубы и досчитала мысленно до десяти. Еще одна любимая мамина тема. Она не понимала работу фрилансера. Алина же видела в ней единственный минус – в случае чего ее не найдут до семнадцатого февраля, и только.

– Все хорошо, – обтекаемо ответила она, пообещав себе ни в коем случае не поссориться с мамой в этот раз. Она же не импульсивный подросток, а взрослая женщина, в конце концов!

Нажала кнопку на чайнике и села за стол. Зажала телефон между плечом и ухом и потеряла кисть. Почему-то ее жгло, словно все нервные окончания были оголены. И мурашки, словно она отлежала руку.

– Мам, а отчего рука может сильно болеть? Будто жжет, – прервала она мамины расспросы, которая в меру тактично, не иначе как тоже решила ни за что не ссориться, пыталась найти причину Алининого звонка.

– Это туннельный синдром! – Даже по телефону было слышно, что мама обрадовалась. – По телевизору рассказывали, что такое бывает от постоянного сидения за компьютером.

Алина закатила глаза, радуясь, что мама ее не видит. И так ведь каждый раз.

– Во-первых, не из-за компьютера, а из-за мышки, – терпеливо пояснила она. – Во-вторых, ты даже не спросила, какая часть руки. Может, плечо.

– И что же, плечо? – ехидно спросила мама.

– Нет, – пришлось признаться Алине. – Как раз рядом с запястьем.

Она выслушала народные рецепты лечения такой древней напасти, как туннельный синдром, и наконец-то попрощалась. Одно хорошо, нахлынувшее раздражение не оставило места для ужаса, заполнившего Алину после пробуждения настолько, что впору было им захлебнуться. Так что дальше день пошел по накатанным рельсам: она сходила в магазин, поработала, сварила обед, вечером уселась перед телевизором в компании кошек: толстая Луша на коленях, скромная Фрося притулилась в ногах, а Банни и Ириска расположились на спинке дивана.

Она и вовсе бы забыла про страшный сон, если бы не продолжающая беспокоить рука. Алина время от времени терла больное место, а после ужина даже погрозила пальцем Банни, мол, безобразница какая, разве тебя плохо кормят? Банни непонимающе моргнула янтарно-желтыми глазами и махнула хвостом. Пришлось ей поверить.

А потом Алина умерла. Ей было тепло и уютно в постели на чистых простынях, с теплым одеялом и в красивой кружевной сорочке. И все портило то, что, даже такая красивая и аккуратная, она была совершенно точно и беспросветно мертва.

Конечно, Алина первым делом подумала, что это снова сон. Хорошо было бы ущипнуть себя, но вот беда – руки не слушались, как и ноги тоже. Даже сердце непослушно молчало, а глаза в этот раз были закрыты. Тем не менее, когда рядом кровать мягко прогнулась под кошачьим весом, Алина точно знала, какая кошка запрыгнула прямо к ее лицу. Хотя по тому, как прогнулась кровать, можно было ошибиться.

Вес кошек Алина знала до грамма – не из-за того, что была такой уж психованной кошачницей. Просто ее кошки облюбовали умные весы, которые сама Алина невзлюбила за совершенно неумную честность. Когда тебе уже за тридцать, каждые лишние сто граммов веса ощущаются как дополнительные годы. Но весы были куплены самостоятельно, своими вот руками, и выбросить их было стыдно. А кошкам то ли нравились яркие цифры, то ли гладкость весов, но сидели они на них по очереди ежедневно и по нескольку раз. Фрося с Банни были легче других, меньше четырех килограммов, да и то Фрося никогда не взвешивалась после еды. Умная кошачья женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.